Об одной беспредметной выставке

Диана Федоровна Виньковецкая

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

“Об одной беспредметной выставке” – эссе о времени, когда повсюду ещё звучал тон страха, но уже пробивались отдельные ростки самостоятельных суждений, как проводились выставки неконформистского искусства, как отдельные люди отстаивали независимость своих взглядов.

- Диана Виньковецкая

Диана Виньковецкая
Об одной беспредметной выставке

«…Вообще: чем дальше, тем беспредметнее.»
И. Бродский.

— Хочешь ли ты знать, что твоим картинам готовят полный разнос? — произнёс один человек на Пискарёвском кладбище, сообщая эту весть Яше, мне, лесу и спящим у вечного огня… «Дай вкусить уничтоженья, с миром дремлющим смешай…»

В те времена (был март 1968 года) везде ещё звучал тон страха, и когда говорили о чём-нибудь секретном, — то вне стен домов и квартир: казалось, что стены резонируют и рассказывают о твоих тайнах тем, кому совсем не нужно их знать. Каждый, кто не хотел противоречить вкусу времени, при любом разговоре вставлял карандаш в циферблат телефона, думая таким способом прервать подслушивающую связь, или пускался на ещё какие-нибудь ухищрения в целях сохранения своих маленьких тайн в большом общем неизвестном. Прислушивание и присматривание придавало ценность каждому, хотя и с обратным знаком.

Иногда выбирались самые неожиданные пространства для конфиденциальных разговоров. Два наших приятеля, поэт Костя Кузьминский и режиссёр Игорь Дмент, проводили тайную беседу (речь шла о передаче литературы на Запад) в лодке на Обводном канале и, хотя они чуть не утонули вместе со своими литературными произведениями, — что бы делал без них западный мир?! — но конспирацию сохранили, потому что только Обводный канал слышал, как в первый и последний раз в жизни «переговорили» Костю Кузьминского и как он чуть не оказался за бортом… от громких жестикуляций Игоря Дмента.

До Обводного канала нам трудно было добираться, а на Пискарёвское кладбище — рукой подать, туда-то Яша и любил удаляться для сверхсекретных разговоров, предполагая, что все тайны уходят в могилы. Много времени провёл Яша на кладбище с нашими друзьями — писателями, поэтами, художниками.

«Разгромный разговор», так я его назову, происходил, как уже сказано, тоже на кладбище. Один наш «осведомитель» из секретариата Смольного (у нас тоже были свои информаторы «оттуда», не назову фамилию, когда-нибудь ещё пригодится) осведомил нас о готовящемся уничтожении Яши–художника и поношении его «беспредметных» картин.

— Ослышалась ли я? Что происходит?

А происходило вот что: мой муж Яков Виньковецкий, будучи учёным— геологом, занимаясь эволюцией природы и создавая общую картину мира, (ему даже удалось издать трактат «Геология и общая эволюция Природы» без единой ссылки на марксистские изречения, всё больше на Теяра де Шардена и других незапятнанных философов), в свободное от работы время рисовал «беспредметные», или абстрактные картины и занимался теорией живописи. 17 января 1963 года Яша сделал доклад в Доме учёных «О возможности моделирования творческих процессов живописи». Этот вечер был одним из значительных событий в тогдашней общественной жизни Ленинграда, и его надолго запомнили. На него специально приехал из Москвы лидер структуралистского движения Вячеслав Иванов. Подобные события были характерны для «оттепели» начала шестидесятых. И хотя вечер в Доме ученых не стал началом чего-либо существенного в общественной жизни, как хотелось думать, а оказался одним из единичных действий, Яша испытывал некоторую гордость гражданского оттенка по поводу участия в том вечере — он сделал доклад о теории абстрактной живописи всего лишь через полтора месяца после «хрущёвского погрома» в Манеже в столь замечательном месте, как Дом учёных.

(Впоследствии организовывать такие выступления становилось всё труднее. Кончилась «хрущевская оттепель», и пришедший на смену режим предпочёл контролировать все приличные явления с большей, чем прежде, бдительностью и жестокостью. Эскалация этого контроля и выдавила многих из нас в эмиграцию).

Ко времени разговора на кладбище Яше удалось «устроить» две выставки — одну в молодёжном кафе «Молекула» при Институте высокомолекулярных соединений, другую — в Союзе писателей. Первую помогли организовать писатель Игорь Ефимов, (его приняли в Союз писателей во время потепления, он зарабатывал на хлеб, «утепляя» дачу сталинского генерала Куприянова) и поэт Марина Рачко, которые знали «директора» клуба Гарика Бравого.

Вторую выставку — в Союзе писателей — организовал писатель и учёный— китаевед Борис Вахтин. Как ему удалось убедить директора Дома союза до сих пор остаётся неизвестным… У него были, конечно, большие связи в верхах, благодаря матери Вере Пановой, но всё равно это было по ту сторону предполагаемого. Придумали ухищрения в приглашении, что, мол, будут знаменитые актёры на выставке — Смоктуновский, Юрский, ещё кто-то (говорят, что их никто не

видел на вечере, не знаю, искал ли, кажется, они и сами догадались, что будут лишними на этом представлении). Помимо Яшиной выставки, в тот вечер в Доме писателей читали свои произведения Иосиф Бродский, Сергей Довлатов, Владимир Марамзин, Валерий Попов. Борис Вахтин вёл этот вечер. Об этой «сионистской вылазке» потом много было шума (Сергей Довлатов её описал в своих рассказах), большой донос поступил куда надо, и большие разговоры где не надо.

То, что донос в Смольный написали как бы «свои», из приглашённых, заставило меня ещё тогда обратить внимание на человеческую природу и сущность, но Яша до самой смерти верил, что в «каждом человеке есть образ Божий». Я всегда подозревала, что у мужчин чувства научаются позже, особенно у задумчивых.

Во время этой «вылазки» к Яше подошли молодые люди из правления какого-то молодёжного клуба и попросили разрешения повторить эту же выставку в их клубе и даже взялись перевезти картины. Яша дал своё согласие, и картины быстро уехали в таинственном направлении их молодёжного клуба.

К моменту нашего разговора на кладбище вот уже два месяца как в этом закрытом клубе при научном центре каких-то секретных промыслов с названием то ли «Красный треугольник», то ли «Квадрат Малевича», висели картины.

— Как мне стало известно, — повторил наш спутник, — в «Каравелле» (так назывался клуб при этой организации) готовится большой разгром твоих картин.

— Они хотят это сделать из какой-нибудь мести, ненависти? Или картины им не нравится? — спросил Яша.

— Нет, нет, не потому, что им эстетически не нравятся твои картины. Нет, не поэтому. Просто они хотят вознаграждения в виде повышения по службе. Особенно желает отличиться секретарь Ждановского райкома комсомола, кажется, он сын Спиридонова. Он и его единомышленники хотят использовать мнения людей, воспользоваться их незнанием и некомпетентностью простых зрителей, чтобы заклеймить, как они выражаются, абстрактное искусство как ненужное для народа.

Я хотела пошутить, что, мол, наконец-то, Яша, твои картины сослужат кому-то хорошую службу, но притихла, потому как боялась Яшиной серьёзности, да и вид вечернего кладбища не располагал к шуткам.

Последователи главного искусствоведа Никиты Сергеевича под видом формирования новых идеалов хотят получить себе кредиты. Как хорошо, что эта каравелла не может плавать, чтобы потопить всю мировую культуру!

Кладбищенский лес молча выслушал весть о предстоящем разгроме абстрактных картин, и только самые верхушки сосен чуть–чуть пошушукались и похоронили эту маленькую тайну среди своих иголок. Вся природа подслушивает, и смеётся над людьми, и грустит. Для одинокой скульптуры Женщины–Матери, стоящей с опушенными руками посреди кладбища, и скорбящей о безотрадной философии народа, эта новость не была ни интересной, ни загадочной. Она и не то видела, в изнурительной погоне за мировым могуществом и мировым почётом. Среди могильных плит, глядя на небо, усеянное звёздами, — «а по ночам в бездонное мерцанье летит вдоль звёзд и падает земля». — Яша решил защитить от поношений свои творенья всеми возможными способами.

От правления этого секретного клуба Яша должен был получить около ста пригласительных билетов на обсуждение — «для своих». И, естественно, Яша подтянул свои силы.

Я не знаю, сколько точно работало в этом учреждении людей, но говорили, что порядка двенадцать тысяч; не все, конечно, ринутся в бой с абстрактным искусством, но народу толпилось в вечер обсуждения около ворот довольно много. Мы пришли к воротам одними из первых.

Двойные железные окованные цепями глухие ворота–двери, уходящие в небеса вместе с дымящими трубами, и забором, обвитым колючей проволокой, являлись странным обрамлением — входом для выставки абстрактных «беспредметных» картин. Высоко–высоко в воротах был глазок, и по щучьему велению дверь иногда приоткрывалась, в щелочку ничего не было видно, кроме следующей стены с железной дверью находящейся наискосок, а там была ещё одна стена с другой железной дверью. Запутанные железобетонные лабиринты и глухие стены охраняли секреты и души исследований преобразования… живого вещества в неживое — за горами, за долами, как у Кощея Бессмертного.

Яшу куда-то увели первого, как выступавшего, а вся толпа ещё некоторое время вертелась около железных ворот, дожидаясь впускного времени. В период нашего стояния отдельные прохожие интересовались: «За чем очередь?» и «Что будут давать?» Услышав невнятные ответы, проходили мимо. Мне запомнилось, как одна бабка обратилась к моему приятелю Лёше Орлову: «Голубчик, скажи, за чем стоят?» — «Да, не за чем, бабуля.» «Низачем — не стоят. Взаправду скажи. Не обманывай». «На выставку художника» — ответила какая— то девушка из ожидавших. «Ноне художества тоже смотрят по очереди?!» — сказала бабуля–философ и пошла, покачивая головой.

Открылась первая железная дверь и впустила часть

ожидавших, стоявших в первых рядах. Пройдя через зигзаг всех дверей, ты оказывался в помещении, где два охранника внимательно проверяли пригласительные билеты и паспорта. После этой «человеческой» проверки все по одному должны были пройти ещё и через «механическую» — крутящуюся вертушку, а потом спуститься в подвал–раздевалку и подвергнуться пристальному осмотру гардеробщиков, — раздеться, сдать все пакеты и сумки и уже только после этих тщательных проверок подниматься наверх.

Наверху, в холодном и длинном зале, резной потолок подпирался толстыми колонами из красной яшмы, стоящими в два ряда, пустая середина зала была уставлена рядами стульев (видимо, давно–давно это было пространство для танцев), над ними висела хрустальная люстра. Впереди зал заканчивался деревянным постаментом, на котором стоял стол–президиум, покрытый зелёной материей.

В зале уже были люди — когда они успели пробраться? Мы вошли первыми с общего хода; конечно, всегда есть задние проходы и лабиринты для «своих», тут, видимо, через крышу, потому как входных дверей вдоль всего квартала никуда не было видно. Некоторые из пробравшихся сидели на стульях, некоторые бродили вдоль стен. Нормальные на вид люди, не такие, как в Союзе писателей, но и не такие, как с буровой, — «итээры», как назвал их Кузьминский. По стенам за колонами были развешаны Яшины картины, и хотя колоны им закрывали свет, падающий от люстры, и картины были совсем неярко освещены, но они будто разговаривали с оставшимся от прежних времён величием этого парадного зала, захваченного матросами с каравеллы.

В одном из углов, слева от входной двери, стоял стол с книгой отзывов, в которую мне очень хотелось заглянуть, и я подошла посмотреть. Первая надпись, которой открывалась книга, гласила: «Лучше грабить и убивать, чем рисовать подобные картины!» Вдохновляющий отзыв для начала погрома. Сбоку была приписка: «Не обращайте внимания на выкрики местных хуй–вей — бинов!» Дальше: «Неужели не будет больше листьев, цветов, пейзажей? Вместо натюрмортов с овощами будет этот кошмар?» Сбоку опять приписка: «Ходи на базар, а не на выставки !».

От книги нельзя было оторваться, и я углубилась в чтение, мы с приятелем листали её, как откровение, и… я старалась запомнить, но это было почти невозможно. Я попросила Лёву Левина, который пронёс каким-то образом фотоаппарат (он работал врачём на мясокомбинате и имел навыки выноса и вноса, а в свободное время делал прекрасные фотографии), сфотографировать книгу, но Яша, оказывается, был уверен, что

книгу ему обязательно отдадут после выставки, и не хотел Лёву беспокоить.

«Пробовал ли автор писать в реалистической манере? И если пробовал, то что из этого вышло?»: «Лицо коммунизма», было приписано между отзывами.

По–видимому, выставка висела сама по себе и висела, кто-то приходил, уходил, проходил мимо. В этом холодном актовом зале днями никого не было, и в тишине за толстыми закрытыми стенами каждый мог оставить своё мнение на бумаге, не боясь быть пойманным и узнанным. Люди писали, что сами хотели, и можно было видеть, как противоречивы впечатления и оценки. И хоть чувства противятся новому (я хочу посмотреть — у кого нет) но как изысканно иногда передаётся эта враждебность!

«Художник должен быть ближе к тому, что волнует нас сегодня». Приписанная надпись была жирно зачирикана, и можно было только разобрать, что, мол, «рисуй, чем прикрылась квартальная премия… и всё остальное.»

Были отзывы с просьбами нарисовать мысль, страх: «Мысль, неизречённая, как она выглядит?»

«Какой-то разрыв между жизнью и мечтою, между возможностью духовного начала и подавляющей его материальной оболочкой!» Так было написано: «материальная оболочка».

«Поражает молодое восприятие мира — это краски как бы в первый день его творения…», и рядом — «…мазня доисторического человека…»

Две первые книги отзывов — из кафе «Молекула» и из Союза писателей — были исписаны отзывами и поздравлениями близких друзей и интеллектуалов себе подобных. Может, кто и хотел написать какую-нибудь гадость или высказать сомнения, но стеснялся перед «своими» показать свою отсталость, и потому все выражались однообразно–восторженно, приятно, но без проникновенных всплесков — как это часто происходит с профессиональными критиками и образованными зрителями.

В книгу с выставки из Дома союза писателей затесалась, правда, одна инородная запись зелёным фломастером, — о том, что «жидам запрещается писать русские иконы», почему-то «русские» было написано с одним «с», видно, от простоты и… человек не знал, что «жидам» запрещено писать любые изображения людей… Как потом стало известно, это был один из тех ребят, которые развлекались доносами по разным инстанциям. Кажется, на него собственная жена потом донесла и опозорила его при разводе. А вы говорите: «Вставьте карандаш!» Куда? И как часто «карандаш» совсем не помогает.

Книга с секретного предприятия клуба «Каравеллы» наполнена была отзывами с различными уровнями речи, с неожиданными применениями слов и выразительностью их — от «бездарной мазни и шарлатанства» до несусветных похвал. Откуда люди брали слова, может, приходили с готовыми текстами?

«… ни деликатность нравственного склада характера, ни правдивость и острота чувства, ни ширина и глубина интеллектуальной проницательности не могут Вас спасти в час испытания… "

К сожалению, нам эту книгу не отдали — её засекретили, наш друг— фотограф её не сфотографировал, а мне удалось запомнить и списать только отдельные отзывы и высказывания, и потому я не могу порадовать публику и себя воспроизведением всех слов и сочетаний слов, всей непридуманности. Где-то она хранится в тайниках, скрывающих народные тайны. И если эта книга когда-нибудь появится из секретных запасников, то ещё раз нам придётся удивиться и невозможности, и возможности языка. Какой язык может родиться за закрытыми дверьми? И какой диссонанс в нашем человеческом образе! И как жаль, когда мудрость теряет свою ценность — будто падает в пустоту.

Тишина тревожного напряжения была всё время в воздухе, все разговаривали шёпотом, когда же Ведущая попросила всех занять места и все разместились, кто вдоль колонн, кто на стульях, то в зале стало совсем тихотихо. «Наши» силы, которые Яша подтянул для поддержки, растворились в громадной чуждой толпе и кое–где различались, как инородные вкрапленники в основной массе. Я присела где-то сзади, впереди меня сидели представители «Главной оппозиции," они выделялись самоуверенным и независимым видом, на их лицах выражалась отчуждённость, — такая хозяйственная, комсомольская деловитость. Мне показали самого Главного, секретаря всего Ждановского округа, видимо, слава темнителя звёзд привлекала его — как желание остаться в названиях районов, университетов, парков, улиц.

Яша начал свое выступление так: «Истоки моего творчества выросли из русского авангарда, поразившего весь мир в начале века… Начиная с импрессионистов, живопись испытала множество бурных, сменявших друг друга преобразований… футуризм, экспрессионизм, абстракционизм… Сменяя кумиров, объекты изображения, живопись старалась осознать, в чём состоит её собственная сущность…»

Зазвучали имена русских художников — Малевич, Филонов, Попова, Крученых, Кандинский, Удальцова, Розанова… Не

нравится моим соседям, «впередисидящим», такое начало, оно выпадает из их представлений о буржуазной природе всего нехорошего. Они переглядываются.

«… Абстрактный экспрессионизм Джексона Поллока появился как продолжение и развитие «Экспрессивного ритма» Александра Родченко и основан на спонтанных, непланируемых действиях художника… "

Зал несколько удивлён… Я вижу, как «впередисидящие» на корме каравеллы зашушукались, видно, не ожидали, что в России совершили не одну революцию. Яша перешёл к объяснению живописного процесса как взаимодействия между художником и картиной.

«Взаимодействие между художником и картиной может быть проанализировано как циклический процесс, состоящий из конечного числа элементарных циклов. Белая поверхность холста характеризуется идеальной уравновешенностью, но абсолютной пустотой… "

Яша использовал слова «абсолютная пустота», «циклические процессы», «экспрессивные ритмы», завораживая, наполняя безвоздушное пространство не только холстов, но и чувств. (Циклическая природа познавательных процессов в 90х годах становиться основой для создания новых концепций искусственного интеллекта.) «…И улица, как белая бумага.»

«Идеальная картина должна остаться для зрителя неисчерпаемой до конца. Неудачная картина останется лишь пятном на поверхности. Подлинная картина может стать зеркалом или окном… Зеркало отбрасывает зрителя в самого себя; окно обещает освобождение.»

Ход изложения Яшиных мыслей диалектичен, ясен, красив, с выражением авторитетного достоинства, которое было ему свойственно и которое так трудно описать. Весь воздух будто зазвенел, и мелкие мысли у мнимых противников, казалось, пришиблены силой Яшиных слов.

В конце своего выступления Яша остановился на процессе восприятия абстрактной живописи: «Один из путей к пониманию абстрактной живописи — это опора на музыку, абстрактнейшее из искусств, не опирающееся на изображение каких-либо внешних реальностей. Творческий акт восприятия искусства основан на самоидентификации воспринимающего с произведением — на любви.»

Когда закончил Яша свое выступление, в зале наступила абсолютная, чёрная тишина… как белый, абсолютно чистый холст. Все замерли.

Вдруг кто-то крикнул: «Браво!» И это «браво» послужило

спусковым механизмом — раздались аплодисменты. «Впередисидящие», вижу, не хлопают, а напряжённо слушают, не шевелятся, не разговаривают.

Когда все успокоились, Ведущая попросила задавать вопросы, и сразу же вопрос из зала: «Извините, пожалуйста, вы говорили о процессе, о мастерстве, красках, но скажите — есть ли смысл в ваших картинах? Вы ничего об этом не говорили. Хочу про смысл узнать. Есть ли смысл?»

— То, что бессмысленно для одного, осмысленно и ценно для другого, — так отвечал Яша. — Процесс восприятия представляет собой личностный экзистенциальный опыт, который и является единственно приемлемым свидетельством смысла. Опыт либо приходит, либо нет. Я думаю, что существуют мешающие людям барьеры, стереотипы мышления, которые скрывают от нас мир подобно покрывалу, устранение их способствует и развитию воображения, и чистому восприятию «беспредметной», абстрактной живописи.

— Так всё это для развития воображения?! — то ли уточняет, то ли комментирует кто-то из зала.

— В своей глубине и на вершине природа всех искусств едина. Акт восприятия искусства для каждого — личный, интимный и уникальный, и прежде всего — творческий.

С первых рядов встаёт девушка и громким поставленным голосом спрашивает:

— Серьёзно ли вы считаете, что созданное Вами — искусство? Или это еще на стадии «до–искусства»?

— Абстрактная картина не только не содержит каких-либо конкретных предметов, она также не «представляет» зрителю ничего, кроме себя самой — игры, гармонии форм, цвета, фактуры, и это есть искусство.

— Можете ли Вы повторить картину, как Вы её называете «беспредметную?» Есть ли у Вас замысел? Что же всё-таки изображено? — Мои миры вызывают ассоциации с природными процессами — космическими, геологическими, биологическими.

— Можете ли Вы объяснить свои картины?

— Объяснение, видимо, должно представлять собой некоторый текст, адекватный картине. Но если такой текст возможен — значит, данная картина не содержит ничего «непереводимого», присущего исключительно живописи. Такую картину никому не захочется объяснять, потому что она, очевидно, не представляет никакой ценности как произведение живописи.

— Что вы хотите выразить, например, картиной номер сорок?

— Картины, которые я пишу, хотят быть окнами в

пространства света.

После этого ответа Яша наклоняется к Ведущей, что-то ей говорит (видимо, он начинает пускать в ход припасённое «холодное оружие»). Ведущая растеряно объявляет в микрофон:

— Слово предоставляется Иннокентию Михайловичу Смоктуновскому!

У… у… у!..

Зал взвыл истошным голосом. Завизжали, зааплодировали поклонники знаменитого актёра. Он выбежал на сцену под непрекращающийся вой публики, которая в эту минуту совсем позабыла: зачем она сюда пришла? Всем хотелось идентифицировать себя только со знаменитостью, и всем было лестно, что на угловую корму каравеллы взобрался принц Гамлет.

«Учитесь властвовать собой," — начал своё выступление актёр красивыми словами и красивым голосом. Занёс рапиру.

«Что вы привязались к художнику: что хотел выразить? Что хотел выразить? Смотрите и — наслаждайтесь! Люди, которые не воспринимают красивой абстрактной живописи, — весьма вероятно, не понимают и никакой другой! Уметь рисовать! Уметь рисовать! — передразнил актёр наставников. — Картинки нашего сына радовали нас с женой до тех пор, пока его не научили в школе «правильно рисовать» Принц Гамлет бросает скипетр: «Для меня через картины Якова Виньковецкого открылся невиданный мир живописи.»

Мистическое единение толпы совсем распалось. «И они молчат. Ведь всё разъято в их сознаньи: рухнула стена. И слова, понятные когда-то, истекают. Тишина.»

Смоктуновский сошёл со сцены. Вой зала, перемешанный с криками и хлопками, стал уже приветствием, и согласием, и восхищением — и актёру, и художнику.

Сразу после Смоктуновского вышел выступать «запланированный» для разгрома знаменитый художник, член Союза художников (я не буду называть его по имени, потому что он через некоторое время извинился перед Яшей, сказав, что его «втянули» в это дело, поймав его за слова, о том, что ему не нравится абстрактная живопись, и он не ожидал, что его мнением хотели так воспользоваться). Только он раскрыл рот:

— Как смотреть на живопись? Иннокентий Михайлович не туда смотрит…

— Вдруг из зала кто-то громко говорит: «Туда! Туда! Посмотри, у тебя ширинка расстёгнута!» Художник смутился, что-то пробормотал и ушел со сцены.

Вышел, по–видимому, ещё один «запланированный» оратор, бодрый и деловой парень, кажется, из правления клуба. Он

говорил, о том, что «… художник должен быть ближе к тому, что нас волнует сегодня… Не согласен с теми, кто призывает… Я далёк то искусства, но хочу сказать…» Говорил скучно и неинтересно о задачах, планах и возможностях.

На трибуне появился ещё один «наш» оратор, Володя Кунин, сценарист фильма «Хроника пикирующего бомбардировщика». Он поблагодарил устроителей выставки «с таким замечательным начинанием». Говорил, что нужно учиться воспринимать искусство, потому как природа всех искусств едина, и обучение может помочь и быть чрезвычайно полезным… Как он сам много работал над собой и из простого работника цирка стал писателем, и что нужно чаще устраивать подобные выставки, чтобы люди могли видеть интересные новые работы.

Все «организованные» выступавшие и с той и с другой стороны затихли, Яша отрицательно покачал головой, когда некоторые из «наших» бойцов — Димент, Штейнберг хотели вырваться на корму–трибуну и жестами показывали своё рвение. В рядах «погромщиков» произошло смятение: противоречивые впечатления и оценки, выступление Яши, непредсказуемая реакция зала, Смоктуновский…

Начались спонтанные выступления людей, «рядовых зрителей», как назвал себя один человек. Что тут началось!

«Моё бессилье синее и чёрные возможности мои, — начал один человек белыми стихами, — во мне играют… И мне, создатель, Вы предъявили иск… как хохот, как усмешку, как рыдание.» Этот человек стихами описал несколько Яшиных картин, но я не запомнила всех строк, а только смысл, что в картинах борется свет со злом и что свет идёт и изнутри, извне.

Другой человек, красивый и величественный (он после этого выступления стал нашим другом — физик, Виталий Островский), начал своё выступление так: «Кто определил, что должен художник? Когда знаешь, о чём напишешь и как напишешь, — искусство кончается. Я понимаю, почему Виньковецкий не рисует предметы: Ведь предметы — это только видимость мира. А истина — за видимостью. Цвет живёт сам по себе, не как эмоция, а как мысль…»

Этого человека, наверно, уважали, а женщины любили, потому что сразу после него на сцене стали появляться женщины.

«Я чувствую себя в синей сфере, я внутри её… Можно сказать суть словами, но это всё равно, что ловить голой рукой шарик ртути… Хотя могу словами: — Нет! Нет! Ничего не будет нового ни в тот, ни в этот век… Художник подарил мне галактику!»

«Спасибо… Ваши картины, как единство с сердцем мира…!»

«Картины ваши — озон. После вашей выставки легче дышать.

Хотелось бы прийти еще и еще раз, но куда? Браво!»

«…И никто не дал отпора крикунам…» — такие слова появились в статье газеты «Ленинградская правда» о выставке в молодёжном клубе «Каравелла». Статья называлась «Приятного тембра голосом» (эта газета у нас хранится в домашнем архиве): «Друзья и поклонники взахлёб расхваливали творения так называемого художника и недвусмысленно выражали свои п о л и т и ч е с к и е взгляды… Практика показывает, что там, где притупляется лекторское оружие, клубы превращаются в место встреч сомнительных ораторов, появляются новоявленные пророки, чтобы…» — и т. д. и т. п.. К Яше отнеслись уважительно:

— назвали пророком!

(Попробуй в Америке получить такой титул! И как в Америке заскучали мы без таких ярких эпитетов, и как набаловали нас своим пристальным вниманием в России.)

Уклонюсь в сторону, чтобы спросить: что поддерживало столь жёсткий и беспощадный государственный строй? Как говорил Лев Николаевич: «большинство человеческих поступков объясняется глупостью». Люди очень глупые, бессмысленные, и толпа «…для истины глуха и равнодушна, а баснями питается она…», — так говорят классики, но никто–никто о себе так не размышляет.

Через три дня Яшу вызвали в Смольный — в Отдел пропаганды и агитации среди комсомольцев, где «два товарища» — две молоденькие женщины, какие-то секретари — специалистки по искусству, я забыла их фамилии, помню, что одну звали Нелля, беседовали с Яшей… о назначении искусства.

Они говорили, что «наше искусство, развивающееся на основах социалистического реализма, — важнейшее общественное явление, и главное его назначение — воспитание масс. Все выставки в молодёжных клубах должны проводиться под нашим пристальным вниманием… Вы не член Союза художников и вы не можете себя называть «художником».

— А Леонардо–да–Винчи можно называть художником? — спросил Яша.

— Не сравнивайте себя…

— А кто выдаёт право быть художником? Ваш Союз?

Беседа о смысле искусства закончилась запрещением выставлять Яшины картины в тех местах, где есть комсомольские ячейки, — не разлагать молодёжь… красотою. «Лучше грабить и убивать!…»

Серёжа Довлатов прислал Яше книгу «Тля» (была такая экстравагантная книга о художниках, само называние книги отражало отношение автора к неофициальным художникам) с надписью: «Абстрактной, художественной тле от тли

литературной», и подружились — абстрактно–художественные тли. (Единение тогда возникало на противостоянии.)

Смоктуновскому в партбюро театра «сказали», чтобы принц Гамлет не таскался по разным подозрительным выставкам и сомнительным клубам и не выполнял бы подсобные роли у прихлебателей иных идеологий.

Владимиру Кунину «разъяснили», что он не увидит премии ЦК ВЛКСМ, на которую его выдвинули, потому что не понимает, в чём цель образования, — она в ответственности перед народом, а не перед всякой шушерой.

Прошло две недели после встречи, боя и победы на каравелле, а картины всё ещё не возвращались домой. Яша звонил организаторам выставки, а те всё как-то уклонялись от прямого ответа: когда же вернут картины? На каравеллу просто так не пробраться — наткнёшься на устойчивые стены и крепкие фундаменты, и как узнать о судьбе «пространств света»? Как бы все пространства света не уничтожили как… призывающие «грабить и убивать»?! Уж не вдохновился ли кто-нибудь? Как бы не закрасили весь свет, идущий из пространства? Неприятно, когда где-то что-то светится без разрешения.

Вернут их или нет?

Наш «осведомитель» из высших сфер сообщил нам, что картины увезли в Большой дом (наше ленинградское отделение КГБ). Для чего? Чтобы в тюрьму их посадить, как призывающих к нехорошим мыслям? Понять, что в них призывает к грабежу и убийству? Использовать как наглядное пособие? Всем ведь известно, какое значение наглядности придаётся в этой конторе. А может быть, кто-то диссертацию пишет о влиянии живописи на преступления? Подумать только сколько внимания и любопытства! А может, хотят Дом осветить «окнами света?» Все их замыслы остались в тайне, и как мы ни ломали головы, придумать не могли. Для чего туда возили картины? Ума не могу приложить.

И есть ли кто-нибудь, кто знает разгадку или точно догадывается? — я бы послушала ответ. До сих пор притягивает эта загадочность. Уж больно долго там их разглядывали, видно, всё пытались найти убийственные мотивы, расшифровывать иерографические рисунки на текучей эмали. Эстеты и декаденты. «…Фиолетовые руки на эмалевой стене полусонно чертят звуки в звонко–звучной тишине…».

Один «человек оттуда», присматривающий за Яшиным развитием, Василий Иванович (не думайте, что это имя я придумала) признал на глазах у всех кагэбешников, что картины красочные, и… дал разрешение — рисовать! Пусть рисует!

(«Рисуйте! Рисуйте! Красиво! Сочно!» — Эти слова он сказал Яше на одном из дальнейших допросов уже по литературным делам).

Кто-то из философов сказал, что «…красота не может действовать. Она может быть и хранить себя», но это только во времена Гегеля, а наши кагэбешные сотрудники опровергают это утверждение, доказывая возможность воздействия красотой. И средний сотрудник органов присмотра за политической окраской ничуть не хуже любого другого инженерного товарища. Может, есть какой-то инстинкт искусства? «Рисуй, рисуй, безумное столетье…»

После трёхмесячного пребывания на глазах у изумлённых сотрудников двух закрытых учреждений, картины вернулись домой неповреждённые, незарисованные, обруганные и обласканные.

Только картины разместились по своим местам, как раздался звонок: «Говорят из Ждановского райкома комсомола. Мы хотели бы прийти к вам и поговорить…»

— О чём? — Спросила я.

— О смысле живописи.

Вежливо и ласково и опять… о смысле. Вот ведь как смысл разволновал! «Есть ли смысл? Есть ли смысл?» «Но есть Один, который без усилья весь груз паденья держит в двух руках.»

Я разрешила им прийти, хотя Яша не был доволен моим разрешением, считая их визит домашним допросом. Интересно, чего же они хотят?

Вошли два приличных молодых человека, как Яша их охарактеризовал, «Дубчики» — «социалисты с человеческим лицом». В одном из них мы узнали сына Спиридонова. Здравствуйте, товарищи! Хотите, чтоб Эрмитаж носил бы ваше имя!? Хотите узнать у абстрактного врага его ахиллесову пяту? Ни пить чай, ни есть они не хотели, а сразу начали «разговаривать».

— В чём состоит собственная сущность абстрактной живописи, отличающая её от других искусств? — спросил спутник Спиридонова. Яша начал отвечать, как всегда, совершенно серьёзно:

— Абстрактная живопись устранила из себя «литературные», непосредственно изобразительные элементы, и тогда стало подчеркнуто–ясно первостепенное значение внутренней гармонии живописных элементов и сочетаний: оказалось, что они сами несут огромную выразительность и, следовательно, обладают самостоятельным содержанием, не зависимым от внешних предметов.

Яша каждой встрече, каждому человеку всегда отдавал всё

своё понимание — принимай, кто может, — перед каждым человеком обнажал своё воодушевление без пренебрежительности и агрессивности, всё своё обилие знаний. Он очаровывался возможностью раскрывать перед людьми экзистенциальные тайны духа, живописи, любви и не мог принять абсурдность бытия. Я ещё напишу о Яше отдельно, о том как был дух с чрезмерной добротой дающий советы, и как «жало мудрости обращается против мудреца, ибо мудрость есть преступление перед природой». Яша покончил с собой в 1984 году в Хьюстоне, и только Яшина смерть разбудила во мне силы противодействия и привела меня в осознание, только глубочайшие страдания открыли мне глаза, так поздно пришла зрелость. А в те «выставочные» времена меня почти не было, — моё «Я» пряталось за Яшиной спиной. И оно долго только слушало и не могло вырвать Яшу из «преступления перед природой», — у меня не было прав.

Вернусь к окончанию разговора о содержании и смысле абстрактной живописи.

«Мы понимаем всё, что вы говорите, и нам даже нравится ваша аргументация, но всё это искусство льёт воду на буржуазную мельницу… " Говорили они про мельницу, на которую всё льётся. Льётся на мельницу, и уже целый потоп из слов, мыслей, аргументов. Затопим все мельницы!

Яша в один из моментов «затопления» достаёт с полки одну книгу и показывает «искателям смысла» слова Н. В. Гоголя, сказанные П. В. Анненкову в Риме (я не могу не привести их): «Если бы я был художник, я бы изобрёл особенного рода пейзаж. Я бы сцепил дерево с деревом, перепутал ветви, выбросил свет, где никто не ожидает его; вот такие пейзажи надо делать».

Наши визитёры по очереди бормотали банальные расхожие предложения: «Художники не могут быть в стороне от проблем современной жизни,… хотя мы и понимаем, что не может быть всегда красный светофор для нового…».

Но, никто не поверит, что случилось в конце разговора — сын Спиридонова спрашивает у Яши:

— А не продаёте ли Вы свои картины? Я бы с удовольствием купил и повесил бы одну из Ваших картин у себя над письменным столом, мне особенно нравится голубая композиция, как воспоминание о снах из моего детства.

Яша ответил, что в данный период он не продает своих картин.

Они ушли, я взглянула в «окно пространства света» — на «сон детства», потом в нормальное окно, обрамляющее тёмное небо со звёздами, падающими на Пискарёвское кладбище… «Человек —

это неразрешимое противоречие» — сказал Яша.

«Но уж слишком много в нём разрешимого, того, что…» Мои слова Яша никогда не услышал.

…Оказавшись в Америке, я всё ищу: где же та мельница, на которую мы лили воду? Двадцать лет живу в Америке, а так и не видела, так и не попалась мне та мельница! Однажды видели в музее старинного фермерского хозяйства одну мельницу, и дети даже около неё сфотографировались, но она была ветряная. Крылья ветряных мельниц движутся от разности тёплого и холодного, от раздвоенности, от противоречия… Может, Дон Кихот и хотел уничтожить это «неразрешимое противоречие»? «Мы как они. Как руки, сделав взмах, мы все в полёте падаем. Как крылья».